

Елена Пеньковская

г. Магнитогорск,
Челябинская обл.

Дракон писателя

Целыми днями я готова, забросив дела, сидеть за столом и марать листы записных книжек. С каждой строчкой мой собственный мир открывается мне всё шире. Я всё отчётливее вижу себя – другую, более живую. Вижу своих друзей. Не просто вижу – начинаю чувствовать их рядом, слышать их голоса. В явлениях более чем реальных мне открываются образы, созданные воображением, облечённые в чернильные линии. В огоньках свечи являются животные и люди. В полосах дождя проносятся мимо искусственно созданные воспоминания.

Но всё это в любом случае нематериально. Я смогла создать для себя лишь яркие ощущения, ничего больше.

Однако нашлось одно существо, которое непостижимым до сих пор образом всё же стало чем-то ббльшим, чем страница в записной книжке, но тесно с ней связанное.

Впервые я ощутила его присутствие ещё в школе. Когда писала первое настоящее сочинение – без шаблонов, без чёткого плана, без чьей-либо помощи. Мне показалось, что нечто вырвалось из безжизненных страниц наружу. Тогда я ничего не поняла и не

придала этому значения, но с тех пор оно следовало за каждым написанным мною словом. И никуда не исчезло.

Познакомилась я с ним гораздо позднее. В вечер, который впервые провела вне дома, в одиночестве.

Было очень тихо. Я села за работу, чтобы отвлечься от ненужных мыслей. И тут же появилось моё существо.

На что оно похоже?

Что ж. Это дракон. Нет, не огромный огнедышащий зверь. Этот оказался очень маленьким – не больше моей ладони. Когда он появился, чуть слышно перевернулась страница записной книжки, обнажив чистый лист.

Дракон наклонил голову и посмотрел на меня, мигнув левым глазом. Впечатлили необыкновенные глаза – то тёмно-синие, то фиолетовые... голубые... чёрные. Зрачков не было видно, и поначалу глаза казались мне страшно пустыми. Но дракон, словно почувствовав мой страх, подошёл поближе. И тогда я заметила, как в его глазах – на тот момент синих – пробегают золотистые искры. Сложно описать, как они были красивы. Они казались живее и теплее, чем глаза многих людей, которых я когда-либо видела в своей жизни.

Дракончик встряхнул головой, на которой аккуратно разместились острые мягкие ушки с кисточками и, обернувшись хвостом, аккуратно присел на чистую страницу.

Его длинные лапки и маленькие пальчики очень напоминали кошачьи.

– Позволь мне тебя разглядеть... – едва слышно прошептала я, протягивая к нему руку.

Дракончик ничуть не испугался. Когда я протянула к нему ладонь, он с готовностью поднял переднюю лапку, будто здороваясь со мной. Она легла на мой указательный палец и действительно была похожа на кошачью – я почувствовала маленькие коготки и мягкие подушечки.

Дракончик открыл пасть. Оттуда раздался совсем неожиданный звук. Попробуйте медленно перевернуть страницу книги. Так, чтобы она касалась следующей. Гла-

дила её. Слышите этот шелест? Вот таким был голос сидящего передо мной существа.

В пасти виднелся ряд маленьких бело-снежных острых зубов.

Осторожно, чтобы не испугать, я провела двумя пальцами по его шее, спинке и хвосту.

У него была тёплая кожа молочного цвета. На ощупь она казалась почти бархатной, но на нём не было шерсти. Только на кончиках ушей и невероятно длинного хвоста красовались светло-коричневые кисточки.

У дракона были крылья. Настоящие кожистые крылья, как у летучей мыши. Светло-коричневые, как и подушечки на лапах.

Я во все глаза смотрела на дракончика. Смутно понимала, что он появился не только что. Но прежде я его не замечала.

Дракончик снова подошёл ближе и забрался на руку, лежащую на столе. Вытянув худую шейку, он внимательно меня изучал. Казалось, на его мордочке играла улыбка.

«Прошуршав» что-то на своём языке, он уткнулся головой мне в грудь, как котёнок, требующий ласки. Я погладила его ушки, и он довольно зашуршал, подставив мне подбородок.

Затем он забрался ко мне на плечо и мирно уснул. А я продолжала писать, и мерное сопение дракона помогало мне уйти далеко-далеко. Туда, где был мой мир. Лучший, чем этот.

С того вечера мы всегда вместе. Когда я открываю записную книжку и берусь за ручку, тут же появляется он, здороваясь со мной тихим шуршанием.

У него море энергии. Он непрерывно таскает в зубах ручки и карандаши. Если на столе вдруг появляется что-то новое, дракончик считает своим долгом хорошенько это обследовать, обнюхивает и ощупывает каждую книжку. Некоторые его очень привлекают – он садится на них и долго внимательно изучает обложку. К некоторым относится равнодушно. Правда, учебник по анатомии приходится убирать – зверь категорически против его присутствия. Яростно машет крыльями и сердито шелестит, грызя угол старого переплёта.

Что ж. Тут я с ним согласна.

Иногда он просто сидит и смотрит в окно. Или изучает мои записи. Не могу понять, умеет ли он читать. Может быть, не умеет. По большому счёту ему это и не требуется. Он и так знает всё, о чём я пишу. Сам родился из моих мыслей.

С каждым днём я замечаю в нём всё новые особенности. Например, уже в первую неделю я поняла, как он выбирает себе цвет глаз. Зверь всего лишь смотрит на чернилах, которыми я пишу. И тут же копирует их оттенок. Когда я осознала это, то, кажется, около минуты изумлённо на него тарасилась. Дракончик даже немного обиделся.

Потом я купила себе новую записную книжку. Обычно они у меня нелинованные. Я не люблю, когда меня ограничивают строчки и клеточки. Но этот блокнот оказался в клеточку, вопреки традиции. Привлекла его необыкновенной красоты обложка, ради которой можно было потерпеть и клеточки.

Когда я открыла блокнот в первый раз, чтобы записать туда давно задуманный рассказ, дракончик, как положено, возник на моём плече. Он потёрся мягкой головой о мою щёку и тихо зашуршал.

И вдруг как ошпаренный сбежал по моей руке на стол и устался на чистый лист. До этого он ни разу не видел линованных листов. Когда он оторвался от листа и повернулся ко мне, глаза у него были больше раза в два.

Но произошло ещё кое-что. Пока дракон изумлённо изучал клеточки в блокноте, его шкурка вдруг потускнела. Из молочно-белой она стала серо-голубой. Прошло несколько секунд, и дракон снова поменял цвет.

Он опять стал белым. В клеточку.

Моему удивлению не было предела. Правда, в этот раз дракончик изумился не меньше моего. Он крутил головой – благо, длинная шея это позволяла – и осматривал себя с ног до кончика хвоста.

Он действительно. Был. В клеточку.

Как лист блокнота.

– Подожди-ка секунду...

Я встала и открыла шкаф. Там у меня лежала тетрадка в косую линейку, как у пер-

вокласников. Куплена она была случайно, но в институте, как говорится, тетрадки могут быть и в кружочек.

Я открыла тетрадку и закрыла блокнот. Дракончик усталился на новый рисунок и снова посерел.

Через секунду его шкурка уже была в ко-ую линеечку...

Мы хорошо проводим время вместе. Правда, дракон теперь тоже не очень жалу-ет линованные листки. Ему не понравилось быть в клеточку или в линеечку. Но вер-шиной его недовольства стал день, когда я вздумала писать в старом ежедневнике. Он весь покрылся синими и красными по-лосками, цифрами и буквами. Такого зверь вынести не мог и, закрыв глаза, свернулся в тугой комочек. А согласился развернуться, только когда я открыла свой старый блок-нот и дала ему несколько листков с плохо написанной сценой.

Да, чуть не забыла. Питается дракон-чик исключительно бумагой. Причём на ней обязательно должно быть что-то написа-но. Первое время я ужасно переживала, что зверь умрёт от голода, ведь он категорически отказывался от чистых листков. Но потом поняла, что ничего страшного не случится. Дракончик всё время весел, а когда мне не нравится написанное, я просто вырываю листы и он, удобно устроившись на столе и зажав листок лапами, тихо его грызёт.

Если мне не приходят нужные слова, я просто играю с ним, как с котёнком. Он с радостным шуршанием гоняется за ручка-ми, нитками, бусинками.

Зверь очень не любит телефон. Как толь-ко я отвлекаюсь на социальные сети, вместо того чтобы писать, он сразу же просыпает-ся или отвлекается от игр и, осуждающе сверкая глазками, начинает недовольно по-качивать хвостом. Однажды я не обратила на это внимания, тогда дракончик прыгнул прямо на экран смартфона и сердито забил крыльями. Я выпустила из руки гаджет, а дракончик требовательно протянул мне ручку, которую держал в пасти.

Что ж, он часто бывает прав...

Однажды в комнату зашла сестра.

– Что пишем?

Я хотела уже было ответить, но осеклась. Совсем забыла про дракона!

Повернув голову, к своему ужасу, увиде-ла, что он мирно сидит на раскрытом разво-роте и, мигая голубенькими глазками, смо-трит на сестру.

«Она его не видит», – поняла я и улыб-нулась.

– Да всё то же. Пытаюсь связать две гла-вы в одно целое.

Я закрыла записную книжку, и дракон-чик исчез.

Никто кроме меня не мог его видеть.

Очень странное это было чувство. Ощу-щение личной тайны. Даже если бы я захо-тела её раскрыть, кто бы мне поверил?

Вечерами дракончик засыпал у меня на плече, обвив мягкий хвост вокруг моей шеи, и, как только я закрывала свою работу, пропадал.

Я не знаю, где он бывает всё остальное время. Самое главное, что дракон всегда возвращается обратно.

Молодые писатели одиноки. В какой-то мере это действительно так. Очень сложно разделить с кем-то свой мир, очень страшно показывать его кому бы то ни было. Ведь он ещё так молод. Так несовершенен. И, возможно, пройдут годы, прежде чем он и его создатель будут готовы явить себя миру реальному.

Но писатель никогда не одинок в мо-менты, когда он творит. Его окружают соз-данные им герои – друзья и враги, хорошо знакомые ему персонажи и персонажи, ещё не нашедшие своего окончательного места в истории.

Я не знаю, есть ли у других людей суще-ства, подобные моему дракончику.

Не знаю, как он появился, ЧТО он такое. Я даже не до конца уверена в его реально-сти.

Но он есть. И, возможно, когда-нибудь я пойму и узнаю всё, что сейчас мне недо-ступно.

А дракон всегда будет со мной. Где бы я ни находилась.

Это я знаю наверняка.